

ГЕРОИ
ЧЕСТИНОЙ ВОЙНЫ

Б. ЛАВРЕНЕВ

НЕУКРОТИМОЕ СЕРДЦЕ

МОЛОДЫЕ Гвардейцы

Даже в телефонной трубке, которая мертвит человеческую речь, голос этот был согрет живой теплотой украинского выговора, был мягким и гибким.

— Поговорить? Хорошо. Только, знаете, давайте так — где-нибудь в саду, в парке, что ли! Чтоб никого больше не было. Удерем, чтоб никто нас не видел.

И голос зазвенел задорным мальчишеским вызовом:

— Согласны? Ну вот, хорошо. Заходите за мной в восемь утра в гостиницу ЦДКА.

Утро было теплое, погожее июльское утро. Небо над старыми деревьями бульвара на площади Коммуны сияло чистое и синее, как в Крыму. Мы ушли в боковую аллею и сели на скамью. Она сняла пилотку. Ветер щевелил пушистые, видимо, мягкие, как у ребенка, коротко остриженные волосы. Дымная прядка их колыхалась над чистым, выпуклым девичьим лбом.

А лицо, тонкое, нервное, дышало выражением порывистой неутоленности, говоря о глубокой страсти характера. Его лучше всего могли определить лермонтовские строки:

Он знал одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть.

Лицо это говорило о хорошей цельности человека, о характере, способном только на прямое действие, не призывающем никаких компромиссов, никаких сделок с собой. Глаза с золотой искрой были безумночны.

глубоко сидели под узкими бровями. Они казались даже хмурыми. Но спустя минуту они засветились такой жизнерадостностью, как будто освистали все кругом.

— Ладно! Что вспомню — расскажу.

Детство прошло на Украине. На милой плодоносной земле, где по утрам так розовы зори, такой белой кипеню зацветают в мае вишневые сады и так самозабвенно заливается солёвой в гуще заросшего сада.

Жизнь была кочевой. Отец работал в районе, все время перебрасываясь с места на место, как требовало его дело. Мать учительствовала. Когда отец переезжал, семья снималась вместе с ним. Дольше обычного жили в Белой Церкви.

Тихий городок, с улицами, разомлевшими от солнца. Но было время, когда он жил шумно и напряженно. Это были годы украинской казачьей славы, годы непримиримой, кровавой борьбы за волю Украины.

Дремотные улицы Белой Церкви хранят память об этом романтическом веке. Тогда по ним проносились конные казачьи регименты, вздымая копытами лёгкую пыль. Горели цветные жупаны, по ветру вились яркие китицы с золотыми кистями. Сабли сияли горячим блеском. На беснующемся аргамаке выезжал к региментам гетман всей Украины Богдан Хмельницкий, безупречный «лыцарь», муж доблести и славы. Слава прошла.

Она оживает в тихие лунные ночи в шелесте тополевой листвы, как будто нашептывающей песни Тараса и чеканные строки «Полтавы».

Романтика истории опьяняет в этом уснувшем городке с одноэтажными домиками, захлестнутыми зеленью садов. Кровь здесь густеет, как вино, от солнца, от медовых запахов цветов и листвы.

В поздень золотые чаши подсолнухов гордо смотрят на солнце. На пестрях сидят бесшабашные воробы и орут во все горло.

Сквозь кусты к плетням пробиралась худенькая смуглая девочка.

Воробы прекращали гвалт и настороженно косились. Впрочем, они не слишком опасались. Вот, если бы мальчишка — тогда иное дело. От мальчишки можно ждать любой пакости.

Девочка неожиданно выставляла вперед левую руку с зажатой в загорелых пальцах рогаткой. Правой рукой из всех

силенок оттягивала резину. Щурила горячий карий глаз. Камень со свистом резал воздух. Воробы шумно взмывали в небо. Но случалось, что зазевавшийся серый неудачник кубарем валился в траву. Тогда глаза девочки сияли неудержимым восторгом удачи.

Рогатка — оружие мальчишек. Девочкам полагается играть в куклы. Но девочка любила рогатку больше, чем кукол. Она гордилась, что обращается с рогаткой лучше многих мальчишек. У нее был точный и меткий глаз.

Иногда камень из рогатки летел не в воробья, а в спину какого-нибудь босоногого вихрастого Петро или Дороша. Мальчишки были врагами. Грубые и дерзкие, они презирали «девчонку». Норовили задеть, высмеять, обидеть. Пустив заряд из рогатки во врага, девочка неслась сломя голову в глубь сада, в непролазную чащу смородины, и выжидала — не гонятся ли? Сердце отчаянно билось.

Она была маленькой и хрупкой, но неукротимой. Никогда не уступала никому. Стиснув кулаки, лезла в драку. Враги наваливались гуртом, больно лупили, таскали за волосы. Приходилось отступать. Но и отступала она непобежденной. Никогда не ревела. Только в гневных глазах стояли скупые, сердитые слезинки. Смахнув их, обмыв расквашенный носик, она снова стремилась в бой. Подстерегала неприятеля из засады, поодиночке. Надетала вихрем и колотила молча и стремительно. Долго гнала ошеломленного противника и, торжествуя, возвращалась домой.

Таким было детство Люды Павличенко. Буйное, смелое, жадное на впечатления.

Она подрастала. Наступали школьные годы. И в школу она пришла неприрученной, своевольной. Одноклассники невольно подчинялись ее волевому, страстному характеру. Она влекла к себе сердца — прямая, смелая, резкая. Знания схватывала на лету. Усидчивость, прилежание были для нее незнакомыми словами. Она брала не кропотливым трудом, а цепкостью острого ума, быстротой соображения. В ученье быстро обгоняла одноклассников. Хороший ответ на уроке был для нее таким же триумфом, как победа в драке над мальчишкой.

В школе она пристрастилась к книгам. Читала без разбора, но манили ее книги о путешествиях и приключениях. Книги о людях с большими и пылкими сердцами, с кремневыми характерами, о людях долга и подвига, прокладывающих свои пути напролом. Она читала на уроках, прижимая острыми коленками книгу к исподу парты, чтоб не заметил учитель.

С точки зрения педагогов она была трудной школьницей. Своенравие, отсутствие дисциплины и организованности, резкость характера, нежелание подчиняться чьему бы то ни было авторитету раздражали преподавателей. Несколько раз подымался вопрос: что делать с Павличенко?

В этом виновата была и сама Люда, были виноваты и педагоги. Они не умели найти верного подхода к оригинальной, не похожей на других девочке, не могли подчинить ее слишком самобытный нрав школьной дисциплине.

Училась Люда хорошо, вела же себя подчас несносно. При переходе в последний класс школьный совет нашел хитроумный выход из положения. Признав, что ученица Людмила Павличенко по общему уровню развития и знаниям значительно опередила свой класс и дальнейшее пребывание в школе для нее бесполезно, совет постановил выдать ей свидетельство об окончании курса.

— Замечательный фортель! Не знали, как поскорее от меня отделаться, и придумали выставить с особым почетом.

Нужно было вступать в жизнь. Она не знала точно, к чему, к какому достойному делу приложить свои силы, бившие в ней ключом. Ей помог комсомол. Он дал ей то, чего не сумела дать школа, — чувство товарищества, самодисциплину, верное направление кипучей энергии. Страна оживала после тяжелых годов военной грозы и разрухи. Люда решила пойти на завод. Ей казалось важным, интересным делать своими руками нужные для страны вещи, стоять у станка, узнать сложную технику, многообразную трудовую жизнь промышленного предприятия. Это было в Киеве. На заводе, как и в школе, она оказалась очень способной, быстро схватывающей производственные навыки.

Одновременно она увлеклась спортом. Перепробовала все виды физической культуры. Как-то раз пошла с товарищами в стрелковый кружок Осоавиахима. Стрельба в тире захванила ее целиком, как захватывало все, что привлекало ее жаждущую к жизни душу. Может быть, в ней воскресли воспоминания раннего детства: сад, воробы, сидящие на заборе, рогатка, охотничий пыль...

Первые же выстрелы из мелкокалиберной винтовки показали, что ее глаза сохранили точность и меткость прицела. Успех этих выстрелов подстегнул ее самолюбие. Если стрелять — так стрелять лучше всех, бить без промаха, обогнать друзей, главным образом парнишек, которые подтрунивали над «бабьей» стрельбой.

И она обогнала всех. Но этого ей уже поклялось мало.

Она захотела большего. Узнав о снайперской стрельбе, она поступила в школу снайперов Осоавиахима, загорелась новым увлечением.

Конечно, она должна стать снайпером. Именно снайпером. Ей казалось, что она всегда мечтала об этом. В стрелковых занятиях обнаружились качества, которых до сих пор не было, — прилежание и терпение.

Она, собственно, не могла дать себе отчета, зачем ей звание снайпера. Раньше она никогда не интересовалась военным делом. Зачем учиться мастерству сверхметкой стрельбы? В кого собирается стрелять?

Она старалась овладеть снайперским искусством, чтобы радостно сознавать, что и это мужское дело может делать лучше других. Получив снайперский диплом, она свернула его в трубочку и положила в ящик стола вместе с другими бумагами, которые, может быть, никогда в жизни не понадобятся.

Она не переставала много читать. И начала понимать, что ее любимые герои — путешественники, исследователи и искатели, люди творческого ума — обладали громадным запасом опыта и знаний. А у нее были лишь крохи школьной науки, скваченной урывками. Ей же хотелось знать все. И особенно историю человечества, его жизненный путь.

Она решила расстаться с заводом и продолжать ученье.

Покинув завод, Люда поступила на исторический факультет Киевского университета. Все в этом доме науки показалось ей новым и необычным. С первых же лекций она уразумела, что здесь придется учиться не так, как училась в школе. Она поняла, что достичь уровня культуры и знания, каким сна восторгалась у своих героеv, можно только очень упорным и организованным трудом.

В читальне университета, в тенистом ботаническом саду теперь часто можно было видеть Люду Павличенко, склоненную над книгой. Она прилежно выписывала в тетради нужные ей цитаты и заметки.

Особенно она увлекалась бурной и прекрасной историей родной Украины. Когда, в год окончания университета, сй было предложено писать дипломное сочинение — первый самостоятельный шаг в исторической науке, — она взяла темой для этой работы жизнь Богдана Хмельницкого.

Почему она выбрала знаменитого гетмана? В его яркой личности воина, политика, дипломата, в его деятельности, полной энергии, взлетов и падений, поражений и побед, от разилась вся могучая, смелая и непобедимая душа украинского народа.

И сама Люда обладала такой же неукротимой, не знающей компромиссов, настойчивой душой.

По ночам, сидя над разложенными на столе книгами, рукописями, таблицами, нужными ей для работы, она восхищалась рассказами о великом гетмане, его смелостью, хладнокровием, его сердцем, не ведавшим слабости и страха.

Она подходила к окну, смотрела на звездное украинское небо. Перед ней ожидало легендарное прошлое, боевая слава Украины, казачьи подвиги в боях за волю. И виделся ей гетман перед своими полками, с железной булавой в руке и с железным сердцем в груди.

И она думала с восхищением и завистью: «Мне бы такое сердце!»

Работа все больше и больше увлекала ее. Но закончить первый научный труд о своем герое Люде не пришлось.

В тихую июньскую ночь, когда, отдохшая от работы, она стояла у окна, вызывая в памяти видения родной истории. в синеве неба уже зазвывали моторы черных металлических воронов Гитлера, несших смерть и разрушение ее Родине. Из тишины этой последней мирной ночи нежданно на ее милый, ласковый Киев обрушились гром и пламя. Ночь полыхала не зарницами далекой летней грозы, а кровавыми заревами пожаров.

Утром она увидела дома расколотые бомбами, с повисшими над пропастью стульями и кроватями. Увидела пепел пожарищ, глубокие воронки, залитые водой из разорванного водопровода, засыпанные песком лужи крови на тротуарах и крошечную детскую ручонку, прибитую осколком к окровавленной стене.

В этот день кончилась ее беззаботная, непоседливая молодость.

Она долго бродила по взволнисанному, потрясенному Киеву, вдумчиво глядываясь в знакомый пейзаж города. Как и прежде, цвели белыми свечками каштаны в парке над Днепром, шумели от заречного ветра... Но по улицам шли красноармейцы и не пели обычных песен. Они шагали молча, и запыленные лица их были покрыты тенью от боевых касок. Они шли на запад. По мостовой, громыхая, ползли танки. В этот день на лице города появилась складка суровой военной горечи.

Город, а за ним и вся родина встали перед ней как реальные понятия, как самое нужное и, дорогое в жизни. И сама жизнь показалась не имеющей цены без родины, без этого чудесного, солнечного города над полноводной рекой.

Она пришла домой поздно. Возвращалась в полной темноте по опустелым улицам. Город был уже затемнен, ни один лучик света не ложился, как прежде, теплой золотой струйкой на нагретый дневным жаром асфальт. Как будто весь мир упывал во тьму. Враг хотел повернуть светлую страну к безысходному мраку средневековья. Это было страшно.

В душе девушки медленно созревало решение.

Дома, как всегда, хлопотала мать. Здесь пока еще ничто не изменилось. Но, смотря посторожавшим взглядом на домашний уют, Людмила поняла, что за этот день изменилась она сама, и ее место теперь — не здесь. Она выпила стакан холодного чая, задумалась и сказала матери:

— Мама, я ухожу в армию.

Мать вскинула на нее испуганные глаза. Но в лице дочери, тонком и озаренном в этот миг внутренним светом, мать прочла что-то, что помешало ей возразить, как возразила бы в этом случае любая мать.

Она ничего не сказала. Она только молча обняла Людмилу.

Но решиться пойти в армию оказалось проще, чем попасть в нее.

Ее выслушивали рассеянно, иногда с недоумением. Читали мельком ее снайперский диплом, качали головами, пожимали плечами. Конечно, это похвальное желание, но, к сожалению, «нет директив» о привлечении женщин в ряды армии.

Людмила закипала негодованием. В ней просыпался давно укрошенный бурный нрав. Люди, с которыми она говорила о своем желании защищать родину, казались ей деревянными чиновниками. Ее поражало, как они не могут понять, что снайпер — будь он мужчина или женщина — равнозначен в бою.

«Нет директив»! Чинуши!

И, наконец, ее негодование прорвалось со всей силой. Она обрушила на очередного отказчика такой ураган ярости, что тот вышел из состояния служебного автоматизма и очень внимательно выслушал настойчивую девушку, прочел ее документы, подумал и предложил явиться на следующий день.

А через неделю боец 25-й Чапаевской дивизии Людмила Михайловна Павличенко была уже на линии огня, на румынском участке фронта, к югу от Одессы.

Здесь все было проще, чем в Киеве. Никто не спрашивал, зачем и почему она пришла в армию. Никто не удивлялся

тому, что девушка стоит в одном ряду с мужчинами, сжимая в руках тяжелую винтовку. Здесь воевали, и удивляться было некогда. Здесь каждая лишняя винтовка была полезна в умелых руках. Шли тяжелые кровопролитные бои. Люди, отбивающие натиск врага на раскаленной степной земле, приняли Людмилу в свою семью с грубоватой, но искренней теплотой. Приняли как воина, как товарища по трудному смертному делу.

И вот она, впервые в жизни, лежала в наскоро вырытом, мелком глинистом окопчике рядом с бойцами и взглядывалась в чахлый молочайник за оврагом. Там были враги.

Вокруг стоял плотный, чугунный, стискивающий сердце гром боя. Небо ревело от моторов гитлеровских самолетов. Черные столбы взлетали над землей и осыпались сверху грудами глинистых комьев. Бизжали осколки снарядов. С пронзительной злобой ныли пули и чмокали в грунт.

Этот гремящий огненный ад был страшен, но Людмила не ощущала страха. Она была только ошеломлена вначале. Она осматривалась, слушала режущую музыку взрывов и постепенно наливалась холодной и беспощадной яростью. Что творилось здесь, на ее глазах, на ее родной земле? На древней земле ее народа расположились чужеземцы. Незванные, непрошенные, они топчут эту землю своими копытами, жгут ядовитым огнем пороха, калечат, уродуют.

Они убивают ее братьев, друзей, товарищей — молодых, полных сил советских людей, которые по вине этих пришельцев, вместо того чтобы мирно трудиться на полях и в цехах заводов, вынуждены теперь валяться в знайкой пыли, утравляясь удушившим дымом разрывов, стонать от боли.

Вот недалеко от нее скорчился, а потом вытянулся и затих боец. Осколок мины ударила в голову. Он выпустил винтовку, и с его побледневшего лба, извиваясь, сбегает на плечо красная струйка крови. Только позавчера Людмила познакомилась с ним, узнала, как его зовут, откуда он родом. Он был весел, рассказывал о своей семье, о сынишке. А сейчас последней судорогой застывших рук он как бы обнял родную землю, по которой ему уже никогда не ходить. И это дело рук тех пришельцев, прячущихся в молочайной заросли на другой стороне оврага!

Они принесли на советскую землю смерть. Но они забыли о простом законе: смерть рождает смерть. Поднявший меч от меча и погибнет.

Это было последнее, о чем она успела подумать в тот миг. Молочай над оврагом заплевелился. Над ним осторожно подымался человек. Он опирался на руки и, вытянув шею,

вглядывался вперед. Людмила показалось, что он смотрит на нее. Ее передернуло дрожью отвращения.

Она твердо вжала в плечо приклад винтовки, отвела ноги немного вбок, как обучал ее инструктор, и припала глазом к трубке прицела.

Сквозь призмы оптики она отчетливо видела зеленоватое сукно мундира, узкие погонычики с желтым кантом, Красное потное лицо с низким лбом и водянистыми глазами. Она остановила острие мушки между белесыми бровями и, слегка вздохнув, чтобы освободить дыхание в момент выстрела, плавно нажала спуск.

И удивилась простоте того, что произошло. Это было совсем как в тире, под кинотеатром на Крещатике, где стреляли из духовых ружей по жестяным треугольникам мишней, которые от попадания заваливались за доску. Враг так же завалился за кусты молочая. И это было все.

Так просто она открыла в первом бою свой снайперский счет.

Ночью после боя Люда лежала на остывающей земле у костра, под разговоры товарищей думая свою думу.

Одной из ее любимых книг была «Война и мир». И сей час, в этой ночной степи, терпко пахнущей подынью, она вспомнила то место, где описывается первая атака Николая Ростова и смятенные его чувства.

Людмила казалось, что и она переживает нечто похожее на эту растерянность Ростова при неожиданной встрече лицом к лицу с врагом. Она припоминала, как сильно изобразил Толстой этот вихрь чувствований, неловкий удар клинком, испуганные жалкие глаза француза, дрожащие его губы и детскую ямочку на подбородке. Всегда, когда она перечитывала эти страницы, ей становилось жаль и Ростова и этого несчастного французского солдатика.

Почему же она не пережила ничего подобного в своем первом бою? Почему с таким холодным чувством, вернее без всякого чувства, она увидела смерть первого врага, убитого ее выстрелом? Неужели Толстой, ее любимый писатель, писал неправду?

Нет! Этого не могло быть! Она вдруг поняла, в чем дело.

Великий Толстой писал о войне людей против людей. У французов были человеческие души и сердца. Они были способны на благородные поступки, на гуманное отношение к врагу. Человек стоял в той войне против человека, и Толстой писал о людях обоих лагерей по-человечески мудро. И поэтому, восхищаясь русскими людьми, героями народной

енопёи 1812 года, Людмила могла понимать и даже жалеть их, врагов.

Здесь же против нее были не люди. Вышколённые палками, тупые, звероподобные механические убийцы. Манекены с псивой вонью вместо души, с куском падали вместо сердца — роботы, выращенные в питомнике берлинского палача.

В их чувства не стоило вникать, — у них не могло быть чувств. Их не приходилось жалеть, как не жалеешь раздавленную гадюку. Их смерть не вызывала никакого волнения, как не вызывали его жестяные мишени в тире.

В этот вечер Людмила писала матери при свете костра, положив листок на колени: «Кое-что мне пришлось видеть. От их зверств во мне закипает злость, а злость на войне — хорошая вещь, она — сестра ненависти и святой мести».

Дописав, она улеглась тут же на земле, разостлав шинель, и уснула крепким солдатским сном. Она вошла в боевую жизнь.

Тот никогда не чувствовал вкуса жизни, кто ни разу не спал на опаленной боем земле, накрывшись шинелью. Бедны будут его воспоминания на склоне лет, ибо мало в жизни минут, более памятных, чем этот краткий сон под темным сводом неба, под мерцанием звезд, с думой о правде, которую защищаешь, о родине, которая стоит за тобой, доверяет тебе свою судьбу и ждет от тебя исполнения сыновнего долга!'

Корабли уходили из Одессы.

По приказу командования Красная Армия покидала город. Полки Чапаевской дивизии, овеянные славой боев гражданской войны и украсившие свои знамена новыми лаврами под Одессой, были погружены на транспорты и вышли в море, направляясь к Севастополю, где дивизия должна была стать ядром приморской армии.

С ними уезжала и Людмила. Она прошла уже через все превратности военной судьбы, пережила боль первой раны, и на ее снайперском счету была уже двузначная цифра уничтоженных гитлеровских зверей. Она стояла на корме транспорта и смотрела, как отходит назад и тускнеет в дымке оранжевый одесский берег. Над городом метались языки огня и дыма, стояла туча серо-багрового тумана. Она прощалась с этим городом, который защищала до конца. С городом, где жил Пушкин, где писались строфы «Онегина».

Ей было невыразимо больно покидать этот город. За время обороны Одессы стала для нее особенно родной. Под ее стенами Людмила была крещена огнем войны.

Транспорты шли, оставляя пенные дорожки на сине-зеленой воде. Одесский берег превратился в чуть заметную голубую черточку и наконец исчез.

Дивизия высадилась в Севастополе,

Здесь Людмила, впервые по-настоящему ощутила живое дыхание истории. В этом городе военной славы любимая наука Людмилы заявляла о себе на каждом шагу. Она была запечатлена здесь кровью героев, бессмертным духом непоколебимых русских людей, до последнего вздоха просто и мужественно отстававших от врага скалы, поросшие скучной травой, обожженные солнцем. Казалось, каждый камень этой земли дышит доблестью, зовет следовать примеру бессмертных предков.

Полк вскоре ушел к Перекопу. Там немецкие орды, прикрываясь сотнями танков, рвались к приморской твердыне

Снова настали пороховые, грозные дни.

Теперь Людмила почти все время находилась на переднем крае и впереди его, где в скалистой почве были выдолблены снайперские ячейки. Она добиралась до них ползком, обдирая локти и колени о камни, укладывалась в ямку маскируясь ветками и зеленью, и лежала, выжидая врага, часами, а иногда сутками, в любую погоду, заливаемая потоками дождя, палимая жарким крымским солнцем.

Хладнокровно, неторопливо она убивала гитлеровских гиен. Снайперский счет рос с каждым днем. Десятки неприятельских наблюдателей, разведчиков, офицеров были уложены Людмилой на землю с пулей в глазу или между глаз. Она без сожаления гасила эти горящие скотской жадностью грабительские гляделки.

Рядом с ней работал ее давний друг, снайпер Леонид Киценко. Вдвоем они были силой, которая стоила целой роты.

Швыряя в пекло боя все новые и новые эшелоны пушечного мяса, немцы шаг за шагом оттесняли приморскую армию к Севастополю и вплотную обложили город. Дорогой к Большой Земле для севастопольцев оставалось только море.

О работе снайпера Павличенко уже шли разговоры по всему Севастополю. Многие не верили, что этот снайпер — девушки. Скептики шли на позиции приморской, чтобы самолично удостовериться в истине. Однажды пришел старшина из бригады торпедных катеров, парень гигантского

роста. Когда ему показали Людмилу, он долго смотрел на нее издали — подойти близко по стеснительности не решился — и, мотнув чубиком, сказал бойцам:

— От же ж, господи боже, яке диво! З виду штрикоза, а в самдели тигра!

Уже командование отметило ее боевые дела первой наградой — медалью. Ее имя стали произносить с уважением и восхищением.

Людмила больше всего ценила похвалу своего полкового командира Матусевича. Старый боец, ветеран гражданской войны, человек непревзойденной личной отваги, всегда находившийся на переднем крае вместе со своими бойцами, болевший за них, отдававший им все сердце, — Матусевич и внешним обликом и характером напоминал Людмиле ее любимого героя Богдана Хмельницкого.

И комполка крепко, по-отцовски привязался к своему лучшему снайперу. Человек большого жизненного опыта и живого ума, привыкший сразу разбираться в людях и правильно оценивать особенности каждого характера, Матусевич был очень внимателен к Людмиле. Он понимал эту сложную, порывистую и все еще подчас непокорную душу.

Людмила и на фронте оставалась верной себе, была все такой же прямой и резкой. Она не умела, да и не хотела молчать, если видела непорядок, бесполковщину, головотопство. В таких случаях она резала правду в глаза.

Матусевич умел понимать, что эта резкая прямота, вспыльчивость и горячность происходят не от недостатка дисциплинированности, как пытались это представить некоторые «жертвы» «снайперского язычка» Людмилы. Он понимал, что неукротимое сердце комсомолки, болевшее за великое дело родины, не терпело, чтобы другие делали это дело вяло, равнодушно и неумно. И когда Матусевичу жаловалась на дерзость Людмилы, он терпеливо и спокойно разбирался в обстоятельствах и почти всегда обнаруживал, что стычки девушки с жалобщиками по существу выражают правильные мысли хорошего бойца, отчетливо знающего военное дело и стремящегося навести порядок.

Часто на позиции полка приходил начальник сухопутной обороны Севастополя генерал-майор Иван Ефимович Петров. Палочкой в руке, сухой, подтянутый, с умной иронической улыбкой на тонких губах, он был похож и лицом и душевным своим складом — простотой, уменьем понять чувства бойцов, лаконичной меткостью речи — на человека, вышедшего из первой обороны Севастополя, адмирала Нахимова. Как матросы в 1855 году называли адмирала

запросто Павлом Степанычем, так и бойцы приморской армии знали генерала как своего друга и отца — Ивана Ефимыча.

Он похваливал работу Людмилы. Похваливал сдержанно, но в этой сдержанности было больше сердечного тепла, чем в других пышных речах.

После каждого разговора с генералом Людмила с новыми силами отправлялась на снайперский пост дырявить пулями немецкие черепа.

Немцы уже знали этого бьющего без промаха, неуловимого снайпера. Они узнали и ее имя. Со скотской прусской тупостью они пытались «уговорить» Людмилу. Они кричали ей из своих окопов на ломаном русском языке:

— Людмил, бросай большевик, иди к нам! Кормить сладко будем! У нас много шоколад! Будешь официр мит шеассный крест!

Людмила спокойно ждала, когда кто-нибудь из этих любезников неосторожно высунет голову из укрытия, и нажимала спуск.

— Глотай шоколад, фриц!

Убедясь в том, что «большевистскую валькирию» (так называл Людмилу пленный немецкий лейтенант) не удастся соблазнить идиотскими посулами, немцы озверели. Из их окопов по адресу Людмилы летели грязные ругательства и угрозы «посвесить сволочь за ноги». Людмила слушала и кривила губы брезгливой и недобро усмешкой.

Уже дважды осколки неприятельских мин выводили ее из строя. Но ранения были не тяжелыми, и, едва дождавшись заживления раны, она снова брала снайперскую винтовку и продолжала свое дело. Многие удивлялись, как она, такая слабая, женственная на вид, выдерживает страду непрерывного боя, страшное напряжение войны. Но в ее нервной подобранный фигурке обиталя неутомимая душа молодой советской патриотки, воспитанной комсомолом. Все ее душевые силы, вся энергия ее нашли выход в святом и великом деле уничтожения врагов. Теперь Людмила могла не завидовать гетману Хмельницкому. Ее сердце больше не знало ни слабости, ни страха.

Ей дали звание сержанта, а вскоре и старшего сержанта. Она стала инструктором команды снайперов, воспитывала снайперскую смену. Некоторых она отбирала сама среди ближайших товарищей, пристально присматриваясь к людям, оценивая характер, выдержку, смелость, способность ориентироваться в обстановке, принимать быстрые и толковые

решения. Не поддававшаяся в детстве педагогическому авторитету, она сама стала на линии огня настойчивым и умным педагогом.

Иногда сюда присыпали людей со стороны, таких, каких сна, пожалуй, и не взяла бы в обучение, — неровных, заносчивых, колючих.

Однажды пришли в команду снайперов два дружка — Киселев и Михайлова из морской пехоты, двое анархических и дерзких «лихачей-кудрявичей».

Увидев, что за птица старший сержант, к которому они попали в подчинение, «лихачи» переглянулись, сплюнули, как по команде, на землю, расстегнули воротники бушлатов и с независимым видом уперлись руками в бока, как бы показывая, что им чорт не брат и что «бабу» они начальством не признают.

Людмила заговорила с ними. Они отвечали, скаля зубы, еле цедя слова.

— Это что ж, значит, нам теперь в принцессиной свите камардиками состоять, выходит? — ядовито осведомился один из дружков, когда Людмила приказала им отправиться в канцелярию роты и сдать документы.

Она взглянула суженными глазами в переносицу вопрошателю и ответила как будто в тон и даже весело:

— Вот именно! Будете шлейф за мной носить на передний край.

«Лихачи» шире распахнули бушлаты и вызывающе щаркнули ножками.

И вдруг услыхали режущий, стальной командирский голос:

— Застегнуться! Руки убрать! Стоять как следует, когда говорите с командиром! Ясно? Ну?

«Лихачи» оцепенели. Они даже не поняли сразу, что это относится к ним. Ошалев от неожиданности, они не изменили развязной позы, но усмешка их взамен дерзкой стала растерянной.

— Извиняюсь, это нам?

Вместо ответа они увидели, как старший сержант положил узкие девичьи пальцы на крышку кобуры.

— Предупреждаю вас, что вы находитесь в боевой части, на линии фронта, и должны знать, что полагается за неисполнение приказания командира в боевой обстановке. Поняли?

Дружки взглянули в побледневшее лицо сержанта, в темные глаза, глубоко ушедшие под брови, — и поклонились.

Мгновенно застегнув бушлаты, они вытянулись по струнке.

— За мной! — скомандовала Людмила, и оба пошли за ней, смирные, как овечки.

Она вывела их к передовому снайперскому посту и, указав впереди на голое взлобье скалы, сказала:

— Вот вам боевое задание: доберетесь туда, заляжете и будете вести наблюдение за передвижением противника по балке. Имейте в виду, что сами будете у немцев, как на ладони. Поэтому замрите. Вернетесь в семнадцать ноль ноль. И смотреть в оба!

Друзья вздохнули и ужами поползли на скалу. Как они ни старались двигаться скрытно, их заметили. На вершинку полетели пули, с визгом стали падать мины. Их засыпало землей и щебенкой. Но они держались твердо, зная, что за ними наблюдает из своего гнезда сержант. Осрамиться перед ним они не хотели, не могли. Им было зазорно уронить себя во мнении Людмилы. Они лежали, вжимаясь в землю, под непрерывным огнем, и неожиданно услыхали рядом мягкий заботливый голос:

— Как живете, ребята? Жарко?

Они протерли запорошенные глаза и увидали подползшую к ним Людмилу.

— Живем! — бодро ответил один. — А вот зачем вас присло, товарищ старший сержант? — И добавил извиняющимся тоном: — Все-таки, виноват, не женская работа.

Отползая назад, оба «лихача», как по договору, держались так, чтобы своими телами прикрывать старшего сержанта от немецких выстрелов..

С этого дня Киселев и Михайлов стали преданными друзьями Людмилы. Был миг, когда она, при отходе, оказалась окружённой и отрезанной немцами. Патроны были на исходе, и она уже подумывала о том, что нужно сбечь последний для себя. Но, заметив опасное положение старшего сержанта, Киселев и Михайлов, пренебрегая опасностью, прорвались сквозь немецкое кольцо к своему командиру, отстрелялись и пробились вместе с Людмилой к нашим частям.

Из сорванцов «лихачей» выработались бесстрашные бойцы и отличные стрелки, ставшие образцами дисциплины.

Все ожесточенней и уверней становились бои на ближних подступах к Севастополю. С неослабевающим упорством лезли к городу немецко-румынские орды.

Людмилу перебрасывали с участка на участок фронта приморской армии — всюду, где требовалась верная рука и меткий глаз, чтобы снять вражеского наблюдателя, уничтожить разведчика.

Никакие хитрости врага уже не могли обмануть ее опытного глаза. Напрасно немецкие наблюдатели пытались дразнить ее пустыми касками, надетыми на палки, привязанными на веревочке кошками, игрушечными собаками, чулками, облаченными в офицерское обмундирование и управляемыми, как куклы кукольного театра. Все это делалось для того, чтобы вызвать с ее стороны преждевременный выстрел, тем самым обнаружить себя и дать возможность немцам разделаться с внушившей им ужас «чекистской ведьмой».

Она не поддавалась ни на какие фокусы и терпеливо ждала, затаив дыхание, держа палец на спуске, до тех пор, пока успокоенный немец, решив, что выбранное им местечко безопасно, не вылезал из своей норы.

Не успев моргнуть, он получал в голову неизбежную пулю Людмилы.

Она подавала в ствол очередной патрон и говорила себе:

— Двести семьдесят третий. Будет больше!

Осатаневшие гитлеровцы пытались ловить ее, устраивали специально для нее засады.

Как-то утром Людмила приползла на свой снайперский пост, на котором провела весь предыдущий день и который покинула только после заката для короткого отдыха в блин даже. Добравшись, она осмотрелась. Ничто не изменилось за ночь. Перед ней была все та же пролысинка на склоне холма. По ней извивались засохшие, обожженные виноградные лозы. Под склоном белела известковой пылью старая дорога. Стояли покосившиеся телефонные столбы с оборванной проволокой и разбитыми изоляторами. Все было спокойно, и все же в этом знакомом пейзаже было что-то неуловимо новое, породившее в ней чувство необъяснимой тревоги. С особенной осторожностью она медленно переползала от куста к кусту.

И вдруг у самого ее виска автоматная очередь взрыла мелкий щебень склона. Людмила припала к земле, укрываясь за едва приметным бугорком. Шестое чувство — опасности, рожданное военным опытом, не обмануло ее. Она медленно выпростала из-под туловища цейссовский бинокль, добытый у немецкого наблюдателя, которому она дала вечный отпуск. Стараясь не выдать себя ни малейшим движением, подтянула бинокль к глазам. Заметив по

дорожке, выбитой вражескими пулями в щебне, направление выстрелов, она обнаружила за кустами державшими пятерых автоматчиков. Четверо притаились в кустах, а один устроился поодаль в старой воронке от снаряда.

Она видела, как все пятеро настороженно следили за проходом, поджидая ее появления. Ее передериуло от злобы. Тихо-тихо, сантиметр за сантиметром она начала отползать назад, в чащу кизила, и, проскользнув невидимкой за деревьями, опять выдвинулась вперед, в стороне от прежнего места. Немцы с механическим упорством продолжали пучить глаза на прежнюю точку.

Ближний лежал боком к ней. Толстый, неуклюжий, он был похож на серо-зеленую жабу. Людмила тщательно выцелила ему в висок. Он слегка дернулся и тяжело уронил голову на камень. Трое вскочили и бросились назад. Но, пробежав шагов десять, залегли и открыли огонь. Пули автоматов стали струями сбьи землю около Людмилы.

Теперь ей был виден только тот, что стрелял из воронки. Через секунду он навсегда расстался с выпавшим из рук автоматом.

Людмила опять поползла по земле, чтобы высledить троих, продолжавших поливать ее свинцом. Веточки дерева мешали ей чисто «сработать» их. Очередной выстрел принес мир и успокоение еще одному немцу. Остальные двое не выдержали и в ужасе кинулись спасать жизнь, не разбирая дороги, спотыкаясь о камни. Не теряя ни секунды, Людмила уложила четвертого. И чуть не заплакала от досады, когда последний успел до выстрела нырнуть в такую чащу, где его уже нельзя было разглядеть.

Подождав с четверть часа и убедившись, что больше ни одного врага поблизости нет. Людмила поднялась и, держа на всякий случай винтовку наготове, обошла убитых. Она подобрала четыре автомата, набила патронами карманы и сумку, обыскала трупы, взяла документы и письма.

В блиндаж она вернулась усталая, изодранная о камни покрытая пылью, но довольная. Улов был отличный. Гитлеровские живцы попались на удочку, которую сами готовили для Людмилы. Несшие смерть — получили ее.

О своей фронтовой жизни Людмила писала матери: «Обмениваюсь с фрицами «любезностями» путем оптического прицела и единичных выстрелов. Нужно тебе сказать, что это самое верное и правильное отношение к немцам. Если их сразу не убьешь, то потом беды не оберешься».

И она была верна этому правилу. Она убивала немцев

только наповал, как бешеных собак, грозящих заразить отравленной слюной все живое.

Последнее свое боевое дело Людмила выполнила вдвоем с Леонидом Киценко. Выследив командный пункт немцев, сми за полчаса методически и точно перестреляли, одного за другим, около десятка офицеров и солдат, прикончив весь персонал пункта. Ни одна пуля не пропала впустую.

Личный счет старшего сержанта Людмилы Павличенко дошел до цифры триста девять.

Она не успела округлить его до трехсот десяти. Осколок мины в четвертый раз вывел ее из строя. Командование приказало эвакуировать Людмилу из Севастополя в тыл.

* * *

Она подняла голову и задумчиво посмотрела в синеву над деревьями.

— Устала, больше не могу рассказывать... И вообще не могу. Скучаю я в Москве. Вот съезжу, навещу маму, и опять на фронт...

Лицо ее было очень спокойным и светлым. Только длинные смуглые-розовые пальцы узкой девичьей руки, той самой руки, которая триста девять раз нажимала спуск курка, уничтожая врагов, все время нервно шевелились. И лишь по этому непрерывному движению их можно было догадаться, что испытания Севастополя оставили след в ее душе.

— Я всем обязана родине. Кто угрожает родине — угрожает мне. Не может быть отдыха, пока последний враг не умрет на нашей земле.

И глаза ее снова стали безулыбочными и строгими. В ней опять заговорило неукротимое сердце верной дочери народа — сердце, полное страсти и готовое всю кровь, до последней капли, отдать за честь и свободу родной земли.

Редактор Б. С. Евгеньев

Подписано в печать 23/X 1942 г. Л75607 5/8 печ. л. 1,46 уч.-изд. л.
р' 200 зи. в 1 п. л. Тираж 50 000. Заказ 1708. Цена 35 коп.

Бка юношеской книги изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»
Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.